

5. Д а н и и л ь.

Изъ Петербургскихъ мѣщанъ, въ мѣрѣ Димитрій Ивановичъ Филатовъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Реконской пустыни подъ руководствомъ извѣстнаго подвижника, старца Амфилохія, по кончинѣ котораго поступилъ въ Троице-Сергіеву Лавру 1862 года 30 Юня, постриженъ въ монашество 1865 года марта 5 дня, рукоположенъ въ іеромонаха 1875 года Января 5 дня, въ разное время проходилъ послушанія: смотрителя просфорной и старой гостинницы, закупщика братской провизіи и помощника братскаго духовника. Назначенъ строителемъ пустыни Св. Параклита 1883 года Марта 5 дня. Награжденъ наперснымъ крестомъ отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ въ 1889 г. По прошенію уволенъ отъ должности управляющаго пустыней 1889 года Апр. 19 дня. Скончался 24 Мая 1900 года. Памятникомъ его усердія къ пустыни служить пожертвованный имъ колоколъ въ 116 пуд. 10 ф.

6. П а л л а д і й.

Соборный іеромонахъ Троице-Сергіевы Лавры управлялъ пустыней съ 1889 года Мая 4 дня по 1890 г. Апр. 9 д. Скончался въ 1899 году на покоѣ въ Спасо-Виеанскомъ монастырѣ.

7. Н и ф о н т ь.

Изъ мѣщанъ города Тулы, въ мѣрѣ Николай Семькинъ. По увольненіи гражданскимъ Начальствомъ опредѣленъ въ послушники пустыни Св. Параклита 1877 года Марта 3 дня. Постриженъ въ монашество 3 Дек. 1877 г., рукоположенъ во іеродіакона 1880 года Юня 15 дня,—въ іеромонаха 1888 года Юля 10 дня. Назначенъ строителемъ пустыни 1890 года Апрѣля 19 дня, а до сего времени проходилъ 15 лѣтъ рухлядное послушаніе. Награжденъ наперстнымъ крестомъ отъ Св. Синода выдаваемымъ 1895 года Мая 6 дня.

Б 0

Л 63

РИМСКІЙ АМФИТЕАТРЪ

МѢСТА

УВЕСЕЛЕНІЙ ЯЗЫЧНИКОВЪ

И СТРАДАНИЙ ХРИСТІАНЪ.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

Печатать дозволяется. Виѣанія. Іюня 21 дня, 1900 года. Цензоръ,
Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи,

Протоіерей А. Бѣляевъ.

РИМСКІЙ АМФИТЕАТРЪ—МѢСТА УВЕСЕЛЕНІЙ ЯЗЫЧНИ- КОВЪ И СТРАДАНІЙ ХРИСТІАНЪ.

„Caesar morituri te salutant!“ т. е. „Императоръ, идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя!“ вотъ были послѣднія слова, съ которыми многіе изъ древнихъ римлянъ шли на смерть; и изъ-за чего шли? Изъ-за своего отечества? Изъ-за свободы? Нѣтъ. За своихъ родныхъ и близкихъ сердцу? Нѣтъ. За вѣру, за Бога? Нѣтъ:—они шли на смерть изъ-за того, чтобы пріобрѣсти благорасположеніе праздно толпы, удовлетворить звѣрской жадѣ буйнаго, развращеннаго, кровожаднаго народа. „Panem et circenses, какъ говоритъ Светоній въ біографіи Цезаря, т. е. „хлѣба и зрѣлищъ“, вотъ чего жаждали эти выродки могущественнѣйшей въ мірѣ націи, воинственность которой стала превращаться въ звѣрскую кровожадность; мужество—въ жестокость и варварство.

Едва ли можно найти болѣе вѣрное зеркало, гдѣ бы такъ ясно отражалась фізіономія древняго римлянина, потерявшаго вѣру въ древнихъ боговъ и непризнавшаго однако Спасителя, какъ этотъ вопль миллионовъ человѣческихъ жертвъ среди римской пышности и роскоши,—эта масса крови гладіаторовъ, пролитой среди художественной прелести, эти тысячи труповъ среди шумныхъ празднествъ, этотъ величайшій и громаднѣйшій изъ всѣхъ величественныхъ зданій *Колизей* съ его ареною, насквозь пропитанною

кровью,—эти ужасающія мѣста шумнаго безчеловѣчнаго веселья и невыразимо глубокаго челоѣческаго горя.

Существуетъ и доселѣ это огромное, за нѣсколько вѣковъ назадъ воздигнутое зданіе,—существуетъ, какъ громкій обличитель грубаго народа, который собирался сюда холодно и безчувственно забавляться смертною борьбою тысячей своихъ собратій. Не исчезли эти громадныя, горделиво возвышающіяся галлерей, въ которыхъ потрясающія стенанія умиравшихъ мѣшались съ неистово злобынымъ крикомъ ихъ мучителей,—и эти стѣны, обрызганныя кровью столь многихъ замученныхъ въ нихъ христіанъ. Замолкли раздирающіе вопли милліоновъ язычниковъ, которые разрываемы были на этихъ ужасныхъ турнирахъ звѣрями, или убиваемы другъ другомъ; затихли и гимны христіанъ, которые въ зубахъ дикихъ звѣрей съ радостію испускали здѣсь духъ свой за вѣру и Бога; но камни Колизея еще громко вопіютъ о кровожадности развращенныхъ римлянъ; но кровь невинныхъ христіанъ, напоившихъ почву этой арены, еще громко взываетъ, вопіетъ къ небу, къ Богу...

Трудно встрѣтить челоѣка, который, изучая эти достопримѣчательныя лобныя мѣста съ ихъ исполинскими арками,—эти величественныя развалины древнеримской славы, не содрогнулся бы предъ ними, какъ предъ явственными слѣдами божественнаго приговора надъ Римомъ и не остановилъ бы на нихъ, какъ на глубоко—назидательномъ предметѣ, своей угрюмосерьезной мысли.

Римскій Колизей находится между Эсквилинскимъ холмомъ съ древними банями Тита, Колліемъ и Палатинскимъ холмомъ съ его достопримѣчательными развалинами императорскихъ дворцовъ. Къ юговостоку, въ сторонѣ отъ него, красуется триумфальная арка Константина, а недалеко отсюда, гдѣ тянется славная Аппіанова улица, по направленію къ сѣверовостоку, врата Тита. А отсюда знаменитая въ древности *via sacra*—священная дорога ведетъ мимо прекрасной базилики Константина, къ древ-

нему храму Пенатовъ (домашнихъ боговъ), изъ развалинъ котораго выстроена церковь св. Космы и Даміана.—Здѣсь же находится и древній римскій форумъ съ его изящными колоннами, (а съ другой стороны невдалекѣ стоитъ храмъ Ромула). При входѣ въ форумъ есть прекрасная триумфальная арка Септимія Севера, а недалеко—отъ нея—остатки храмовъ Фортуны и Конкордіи. Затѣмъ—сенаторскія палаты и знаменитѣйшій дальше Капитолій, съ высоты котораго превосходно смотрѣть на форумъ. Теперь это мѣсто называется *campo vaccino* (коровьимъ полемъ) такъ какъ оно служитъ пастбищемъ для скота.

Внѣшній видъ Флавіева амфітеатра представляетъ собою громаднѣйшій эллипсисъ, видъ громаднѣйшаго яйца. Округленные каменные стѣны Колизея, на половину высоты, видны и доселѣ со всѣхъ сторонъ; а на сѣверной сторонѣ онѣ, по словамъ очевидцевъ, сохранились невредимыми во всемъ своемъ объемѣ. Колизей теперь находится, какъ и всѣ почти остатки зданій древняго Рима, какъ бы въ глубокомъ рвѣ, такъ какъ мусоръ, накопившійся здѣсь въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, такъ возвысилъ поверхность вѣчнаго города Рима, что нижніе этажи древнихъ построекъ и сооружений нельзя и видѣть. Три огромныхъ этажа съ дорическими, іонійскими и коринѣскими колоннами возвышаются здѣсь нагроможденные одинъ на другой, а надъ ними возвышается четвертый, еще болѣе высокій ярусъ, такъ что высота всего Колизея достигаетъ до 193 футовъ,—26 саж.

Внѣшняя окружность этого колоссальнаго зданія простирается до 2013 футовъ, или 273 саж.; длина ея заключаетъ въ себѣ 713 футовъ,—97 саж., а ширина 586—80 саж. Толстая, на многовѣковую прочность рассчитанныя стѣны и амфітеатрально расположенные ряды ложъ занимаютъ столько мѣста, что для самой арены, гдѣ происходили турниры, оставалось пространство только въ 916 футовъ—129 саж. въ окружности, въ 350 ф.—48 саж. длины и въ 223 фут.—30 саж. ширины. Все зданіе сложено изъ огромныхъ

каменныхъ плитъ, а нижній этажъ и слѣдующіе за нимъ два этажа имѣютъ по 80 прекрасныхъ воротъ со сводами, въ отверстіяхъ которыхъ стояли статуи; самый верхній этажъ представляетъ стѣну, снабженную окнами и коринѣскими пилястрами. Вверху, къ карнизному вѣнцу прикрѣплены были бронзовыя вызолоченныя мачты, покрытыя чахлами, къ которымъ (мачтамъ) пришиты были красными пурпуровыми бичевками вышитые золотомъ ковры или другія дорогія ткани, такъ что весь амфитеатръ, обтянутый этими коврами и тканями, достаточно защищенъ былъ отъ дѣйствія жгучаго солнца Италіи или дождя и вѣтра. Для большаго удовольствія и ослабленія жара, происшедшаго отъ большаго скопленія народа, въ амфитеатръ проведены были кожаныя трубы, посредствомъ которыхъ пропускались во внутренность его водяныя освѣжающія струи или же струи пахучаго бальзама. Арена обита была досками. Подъ нею и съ боковъ ея устраивались клѣтки, въ которыхъ помѣщались дикіе звѣри для травли. Кромѣ того арена соединена была, посредствомъ канала, съ огромнымъ водянымъ резервуаромъ, наполнявшимся изъ Клавдіева водопровода,—резервуаромъ, на которомъ давались представленія морскихъ сраженій. Такъ по повелѣнію Тита тамъ представлено было небольшое морское сраженіе Аѳинянъ съ Сиракузцами; нѣчто подобное было и при Домиціанѣ.

Изъ 80 воротъ нижняго этажа амфитеатра четверо воротъ вели въ арену, а прочія къ ложамъ. Первые ворота были довольно широкіе и изящно украшены. Передній главный входъ, обращенный къ форуму, назначенъ былъ для торжественнаго вѣзда императора и представителей Рима, а также для входа гладиаторовъ. Противоположный этому задній входъ назначенъ былъ для ввоза машинъ, барокъ, лодокъ, кустарниковъ, цвѣтовъ, деревьевъ и т. п., которыми украшалась арена. Одинъ изъ другихъ двухъ входовъ на продольной сторонѣ амфитеатра имѣлъ весьма трагическое назначеніе: чрезъ него

таскали трупы павшихъ бойцевъ и убитыхъ звѣрей въ такъ называемый споліарій (камера для мертвыхъ), лежавшій къ востоку отъ Колизея. Оттого этотъ входъ или лучше выходъ называется porta sandapilaria т. е. погребальныя врата или врата мертвыхъ. Противъ него находились врата живыхъ, porta sanavivaria, такъ какъ чрезъ нихъ выпускали сходявшихъ съ арены или совершенно, или только раненными, пока на слѣдующій праздникъ и имъ не выпадалъ жребій быть вынесенными чрезъ ворота мертвыхъ и занять мрачный уголокъ въ споліаріи. Изъ остальныхъ 76 входовъ Колизея стоитъ упомянуть особенно о двухъ, назначенныхъ для зрителей. Одинъ изъ нихъ былъ противъ Титова дворца и велъ въ прекрасно отдѣланную залу, изъ которой императоръ входилъ въ свою ложу. На противоположной, южной сторонѣ была расположена другая императорская ложа, изъ которой подземный ходъ велъ на Палатинскую гору—въ императорскій дворецъ.

Въ нижнемъ этажѣ, въ *podiumъ* (podium—балконъ, перила) находилось первое и самое почетное мѣсто, принадлежавшее только императору, консуламъ и вообще знати римской. Оно было на 8 футовъ выше арены и огорожено было желѣзными рѣшетками съ острыми спицами. Дальнѣйшіе ряды или классы, расположенные непосредственно одинъ надъ другимъ, отдѣлялись другъ отъ друга красивыми баллюстрадами. Мѣста для сидѣнья на первыхъ трехъ классахъ были мраморныя съ мягкими подушками, а въ четвертомъ—деревянныя и безъ подушекъ. Въ ложи вели широкія лѣстницы. Вверху, на четвертомъ этажѣ, надъ ареною были портики, гдѣ находились мѣста для стоявшихъ зрителей. На нихъ удобно могло помѣщаться 20,000 человекъ, а сидячихъ мѣстъ было 87,000, слѣдовательно во всемъ Колизеѣ могло помѣщаться 107,000 человекъ, за исключеніемъ бойцевъ на аренѣ и прислуживавшей челяди. Если къ этому прибавить еще, что такой громадности Колизея вполне соответствовало и внутреннее

убранство его, состоявшее изъ мрамора, золота, мозаики, статуй, рельефовъ, бюстовъ, картинъ и проч., то можно, хотя отчасти, вообразить,—какой эффектъ долженъ былъ производить этотъ амфитеатръ на стотысячное его собраніе.

И такое громадное, полное роскоши, зданіе, выстроенное изъ самага твердаго мрамора, воздвигнуто было только въ продолженіе 15 лѣтъ, хотя постройка его неоднократно была прерываема. Нѣтъ сомнѣнія, что только римскіе императоры при своей неустанной, хотъ и совсѣмъ непрактичной энергіи могли въ такое сравнительно короткое время соорудить такое зданіе,—императоры, которые не щадили для этого ни силъ, ни средствъ подвластнаго и неподвластнаго имъ человѣчества. Неограничиваясь затратами на этотъ предметъ драгоценнѣйшихъ и полезнѣйшихъ сокровищъ собственнаго государства, они вывозили богатые добычи и много сокровищъ изъ чужихъ странъ. Кромѣ того, они привлекали къ участию въ постройкѣ Колизея и многія тысячи плѣнныхъ евреевъ.— Здѣсь, какъ нѣкогда и въ Египтѣ, поставлены были надъ ними начальники и надзиратели: надзиратель для 40 и оберъ-надзиратель для 400 человѣкъ. Жестоко обращались эти послѣдніе съ бѣдными тружениками: побуждая ихъ къ непосильной, большею частію, работѣ, они били ихъ, какъ животныхъ, плетью и ремнями съ металлическими пряжками; вслѣдствіе такого жестокаго обращенія, въ непродолжительное время царствованія Тита умерло около 12,000 евреевъ.

Колизей обязанъ своимъ существованіемъ императорамъ Веспасіану и Титу ¹⁾. Веспасіанъ, царствовавшій въ 69—79 г., положилъ ему основаніе, соорудивъ только одинъ нижній этажъ. Впрочемъ инициатива этого основанія принадлежала, кажется, еще Августу. По крайней мѣрѣ

¹⁾ См. „Римъ“ Вегнера. Томъ II стр 400. Вообще описаніемъ Колизея мы обязаны частію исторіи Вегнера „Римъ“, частію же лекціямъ Гунсена: Zur christlichen Alterthumskunde in ihrem Verhältniss zur heidnischen.

Светоній говоритъ ¹⁾ въ біографіи Веспасіана, что онъ соорудилъ нѣкоторыя новыя зданія, между которыми амфитеатръ, среди города, хотъ и на мѣстѣ, предназначенномъ еще Августомъ. Титъ хотѣлъ было закончить зданіе, но за смертію успѣлъ устроить только второй ярусъ; вся же постройка совершена была Домиціаномъ.

Такимъ образомъ Колизей построенъ былъ фамиліею Флавія. Оттого онъ и назывался Флавіевымъ амфитеатромъ. Название же „Колизей“, вошедшее въ употребленіе съ VIII вѣка, дано ему по колоссальной (во 100 футовъ высоты) бронзовой статуѣ Нерона, поставленной предъ нимъ (амфитеатромъ) по распоряженію Адріана. Имя этой, теперъ совсѣмъ не существующей статуи перенесено на амфитеатръ. Недалеко отъ этого мѣста существовалъ когда-то и прудъ Нерона, какъ говоритъ объ этомъ римскій поэтъ Марціаль. „Тамъ, гдѣ величаво возвышается издали замѣтный исполинъ амфитеатра, существуетъ прудъ Нерона“.

До VIII вѣка прекрасныя стѣны Колизея существовали въ совершенно цѣльномъ видѣ, и, можетъ быть, таковы онѣ были до самага 1084 года, въ которомъ опустошена была большая часть Рима, между Капитоліемъ и Колліемъ. Въ XII—XIII вѣкѣ, при внутреннихъ междоусобіяхъ знатныхъ Рима, амфитеатръ, обнесенный крѣпкими стѣнами служилъ вмѣсто крѣпости, особенно для фамиліи Франгипана, при чемъ зданіе, естественно, значительно пострадало. Во время папскаго изгнанія въ Авиньонъ дорогія каменные стѣны Колизея сдѣлались предметомъ торга. Въ началѣ XV вѣка изъ нихъ жгли известъ, а огромныя плиты мрамора послужили матеріаломъ для постройки нѣкоторыхъ другихъ громаднхъ зданій.

Папа Пій XII первый взялъ на себя заботу о поддержкѣ этихъ достопримѣчательныхъ развалинъ. Онъ

¹⁾ См. Svetonii Tranquilli opera, p. 1844. Titus Flavius Vespasianus augustus p. 258.

велѣлъ придѣлать къ нимъ толстые, прочные подборы. Вслѣдъ за нимъ заботились о поддержаніи ихъ папы Левъ XII-й и Пій IX-й. Такимъ образомъ можетъ быть и еще въ продолженіи многихъ вѣковъ будутъ любоваться на это величественное зданіе любопытные наблюдатели, какъ любовались они въ продолженіе многочисленныхъ вѣковъ, уже минувшихъ.

Для чего же и изъ какихъ побужденій строили этотъ амфитеатръ? Кровавыя борьбы гладіаторовъ, которыя искони приходились древнимъ римлянамъ болѣе по сердцу, чѣмъ представленія драматическія, до временъ императоровъ происходили въ циркѣ, назначенномъ для большихъ конскихъ ристалищъ. Но слишкомъ большое протяженіе этого цирка было совершенно неудобно для зрителей. Не совсѣмъ удобнымъ для гладіаторскихъ состязаній казался и форумъ—торговая площадь. Гораздо болѣе, чѣмъ циркъ и форумъ, найденъ былъ отвѣчающимъ данной цѣли амфитеатръ съ его продолговато-круглою ареною, окруженною со всѣхъ сторонъ амфитеатрально расположенными рядами ложъ, что было въ послѣдствіи принято за образецъ и во многихъ другихъ городахъ Италіи, какъ-то: Падуѣ, Луккѣ, Помпеѣ и др. Въ 53 г. до Рождества Христова Кай Скрибоній Курій, по плану Плинія старшаго, по случаю похоронъ своего отца устроилъ два подвижныхъ театра, тѣсно соединенныхъ между собою западными сторонами. Когда, послѣ двухъ спектаклей, данныхъ въ нихъ утромъ этого дня, онъ приказалъ перевернуть ихъ оба, то эти два овальные полукруга составили одинъ полный эллипсисъ, внутренность котораго представила арену для состязанія гладіаторовъ. Послѣ того въ 44 году цезарь велѣлъ строить амфитеатръ точно такой же формы и съ тою же цѣлью. Но этотъ амфитеатръ былъ деревянный; каменный же въ Римѣ впервые сооруженъ былъ въ 29 году Статилліемъ Ставромъ. Этотъ первый каменный амфитеатръ, истребленный пожаромъ при Неронѣ, снова замѣненъ былъ деревяннымъ (на Марсовомъ полѣ),

который и существовалъ до тѣхъ поръ, пока не сооруженъ былъ огромный Флавіевъ Колизей.

Постройка этого Колизея, къ сожалѣнію, вызвана была рѣшительною потребностью римскаго общества, развившаго въ себѣ до чудовищныхъ размѣровъ страсть къ увеселеніямъ и зрѣлищамъ. Долго забавлялось оно скачками и ристаніями лошадей и колесницъ,—и зрители, наполняя высоконогроможденные одинъ на другой ряды ложъ, подобны были, по словамъ Лактанція—христіанскаго писателя, волнуемому морю. Съ жадностію слѣдили они за ходомъ скачекъ и ристаній, и затѣмъ переходили въ неистовство, коль скоро предвидѣлся исходъ состязанія не благопріятный для той или другой колесницы. У однихъ замѣтны были—боязнь, досада и негодованіе, у другихъ—радость и ликованіе, а у всѣхъ—безчинство. То соскакивали съ своихъ мѣстъ, хлопали въ ладоши, кричали, что было силы и различнымъ образомъ понукали лошадей и людей своей партіи, то сыпали угрозы, насмѣшки, ругательства, проклятія, то расточали похвалы, комплименты и аплодисменты. Такъ жадные до зрѣлищъ римляне по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, пребывали въ циркѣ или въ амфитеатрѣ, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія. Но еще болѣе усиливалась въ нихъ эта жгучая страсть, если недостаточно удовлетворяли ее эти ристанія. Тогда извращенный римлянинъ какъ бы превращался въ дикаго звѣря, жаждавшего крови. Онъ требовалъ тогда борьбы, ужасной смертоносной борьбы и хотѣлъ наслаждаться предсмертными агоніями различныхъ животныхъ и людей.—И это наслажденіе было тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ ужаснѣе былъ исходъ борьбы, чѣмъ болѣе падало злосчастныхъ жертвъ. Такимъ образомъ установлены были звѣриныя травли и гладіаторскія состязанія, гдѣ цѣлыми сотнями и тысячами гибли бѣдные жители пустыни и цѣлыя полчища гладіаторовъ слагали свои кости на вѣчный могильный покой.—И это-то больше всего доставляло удовольствія кровожадному римлянину; это-то больше

всего давало пищи бурному разгару преступной его страсти!.. Покрайней мѣрѣ Цицеронъ говоритъ, что никогда, ни въ одномъ собраніи, ни при одномъ торжествѣ не скоплялось такъ много народа, какъ при этихъ гладіаторскихъ состязаніяхъ, которыя онъ называетъ *любимою забавою великой толпы*, такъ какъ ими забавлялись не одни только богатые или лица высшаго класса, но люди всѣхъ сословій и состояній.

Какъ велика была у римлянъ страсть къ этимъ гладіаторскимъ играмъ, это видно изъ того величайшаго сочувствія и уваженія, какимъ пользовались у нихъ гладіаторы: о нихъ мечтали юноши, ихъ дѣйствіями услаждались пожилые, на нихъ любовались образованные, ихъ воспѣвали поэты.—Такъ Марціалъ борьбу со звѣрями ставилъ выше подвиговъ Геркулеса, а Статій сражавшихся на аренѣ женщинъ уподоблялъ амазонкамъ. Во времена императоровъ виллы и дома римлянъ весьма часто украшались сценами изъ гладіаторскихъ состязаній. Слишкомъ привыкшій къ этимъ сценамъ взоръ богатаго римлянина хотѣлъ созерцать, по крайней мѣрѣ, хоть образы ихъ, и притомъ на полахъ и стѣнахъ своихъ покоевъ, коль скоро онъ не могъ видѣть ихъ въ дѣйствительности. Объ этомъ свидѣтельствуесть уже въ недавнее время найденный въ римской виллѣ великолѣпный мозаическій полъ съ картинами изъ гладіаторскихъ сраженій. Подобныя картины гладіаторскихъ игръ употреблялись также для украшенія стѣнъ и въ публичныхъ залахъ, присутственныхъ мѣстахъ, проходахъ, равно какъ на цвѣточныхъ горшкахъ, лампахъ, кольцахъ, перстняхъ и т. под.

Въ составъ гладіаторовъ, специальнымъ назначеніемъ которыхъ было, для увеселенія и забавы народной массы, убивать другъ друга,—входили какъ осужденные преступники, невольники, такъ и добровольно опредѣлявшіе себя на этотъ ужасный постъ. Послѣдніе при своемъ поступленіи въ число гладіаторовъ, должны были клятвою подтвердить, что они дозволяютъ рубить себя мечемъ,

жечь огнемъ и подвергать всякаго рода истязаніямъ. Затѣмъ они входили въ составъ особенныхъ, учрежденныхъ правительствомъ гладіаторскихъ семействъ, и обучались своему искусству въ школахъ, изъ коихъ нѣкоторыя находились близъ Колизея. Домиціанъ открылъ 4 такихъ школы; а первая подобная императорская школа гладіаторовъ существовала, кажется, еще при Калигулѣ. Замѣчательныя изъ этихъ школъ были: галльская, дакская и школа для дрессированія звѣрей. Кромѣ одного, управлявшаго ими, прокуратора изъ военного сословія, при нихъ существовала немалая корпорація и другихъ служебныхъ лицъ, какъ-то: учителей, фехтовальщиковъ, докторовъ, надзирателей и т. под. Въ Римѣ главныя гладіаторскія школы были въ Капуѣ, Пренестѣ, Александріи; онѣ устраивались также въ Галліи, Испаніи, Германіи, Британіи и Фракіи.

Главныя коріеи ихъ развѣзжали по всѣмъ этимъ школамъ и выбирали лучшихъ бойцовъ для римской сцены. Богачи цѣлыми массами иногда покупали такихъ гладіаторовъ, а потомъ снова продавали ихъ, или отдавали на прокатъ, если кто нибудь хотѣлъ давать представленіе, и эта торговля гладіаторами была очень прибыльнымъ занятіемъ. Содержали и кормили гладіаторовъ очень хорошо, потому что специальнымъ назначеніемъ ихъ было быть сильными и побѣдоносными въ борьбѣ. Такъ какъ между гладіаторами нерѣдко встрѣчался всякій сбродъ, который прибѣгалъ къ кровавому ремеслу, или какъ къ послѣднему якорю спасенія, или хотя по дѣйствительной, но грубой склонности къ борьбѣ; то естественно, при этомъ необходимо было наблюденіе самой строгой дисциплины. Бойцовъ, заслуживавшихъ наказанія, сѣкли плетми, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, а упорныхъ подвергали нерѣдко строжайшему заточенію. Печальные слѣды такого заточенія открыты были въ 1700 году, при откапываніи засыпанной пепломъ, при изверженіи Везувія, Помпеи: въ одной изъ комнатъ тамошней гла-

діаторской школы найдено было нѣсколько скелетовъ съ желѣзными цѣпами на ногахъ. Ясно, что при общемъ бѣгствѣ жителей, эти несчастные были забыты и такимъ образомъ мѣсто ихъ заточенія сдѣлалось для нихъ и могилою.

Гладиаторы имѣли право носить при себѣ оружіе въ тѣхъ только случаяхъ, когда они отправлялись или на упражненіе, маневры, или на дѣйствительныя сраженія; въ остальное же время въ предотвращеніе кровавыхъ междоусобныхъ столкновеній и самоубійства, у нихъ совсѣмъ отбиралось оружіе. Какъ необходимы были строгія мѣры по отношенію къ гладиаторамъ, людямъ, нисколько недорожившимъ жизнь, въ этомъ опытѣ не разъ заставлялъ римлянъ убѣждаться. Такъ въ 73 году до Рождества Христова гладиаторы, соединившись, подъ предводительствомъ Спартака (невольника изъ гладиаторской капуанской школы), съ бѣглыми рабами и, умножившись сначала до 4000, а пототомъ до 12000 человекъ, перебили четыре римскихъ войска, и неоставляли своего буйства до тѣхъ поръ, пока въ 71 году не были перебиты Крассомъ на рѣкѣ Силаріѣ ¹⁾. Въ другой разъ Римъ подвергся опасности со стороны гладиаторовъ въ 64 году до Рожд. Христова, когда они, въ количествѣ 80, вырвавшись изъ Пренестской, гладиаторской школы, ворвались въ предѣлы Рима и буйствомъ своимъ наводили ужасъ на весь городъ до тѣхъ поръ, пока, послѣ отчаянной, кровопролитной схватки, не были перебиты. Такимъ образомъ и гордому Риму приходилось иногда дрожать предъ несчастными, отвагою и ловкостью въ борьбѣ которыхъ такъ много въ другихъ случаяхъ дорожилъ онъ. Кромѣ того и счастливый заговоръ Катилины показываетъ, какою опасностію грозили римлянамъ эти буйныя оргіи.

Хотя нѣкоторые изъ гладиаторовъ входили въ составъ гладиаторской корпораціи по дѣйствительной склонности

¹⁾ См. Римъ Вегнера. Томъ II стр. 213—214.

къ борьбѣ и рыцарству, но большая часть ихъ были люди, лишенные всякихъ средствъ къ жизни и всякаго права и возможности занять какую либо общественную должность. Такіе люди естественно, къ гладиатурѣ прибѣгали какъ къ послѣднему якорю спасенія, потому что это кровавое ремесло доставляло иногда и средства къ жизни, и почести, такъ какъ гладиаторы, выходящіе изъ борьбы побѣдителями, нерѣдко щедро были награждаемы, а отважнѣйшіе изъ нихъ могли, кромѣ того, сами получать большія деньги, нанимаясь къ тому или другому учредителю гладиаторскихъ игръ.

Такъ Светоній, напримѣръ, говоритъ о Тиверіѣ ¹⁾, что онъ гладиаторамъ, принимавшимъ участіе въ его спектаклѣ, за ихъ трудъ и усердіе, заплатилъ 100,000 сестерцій, на наши деньги 5,000 р. (¹/₄ динарія). Кромѣ того побѣдоносныхъ бойцевъ украшали пальмовыми вѣнками, отличали почетными цѣпами и имена ихъ пользовались большою популярностію. И многіе изъ гладиаторовъ, благополучно прошедшихъ свой ужасный постъ, занимали потомъ почетныя и высокія должности, и оттого-то римское общество и не находило въ занятіи гладиатурою ничего низкаго и предосудительнаго; оттого-то оно и не отвращалось отъ него, какъ бы слѣдовало ожидать. Оно видѣло среди себя немало высокопоставленныхъ лицъ, которыя были нѣкогда гладиаторами. Напримѣръ, Императоръ Маркіанъ прежде былъ гладиаторомъ; императоръ Коммодъ, будучи уже императоромъ, публично принималъ на себя роль гладиатора для забавы своихъ подданныхъ; императоры Титъ и Адріанъ, хотъ и не являлись на публичной сценѣ въ качествѣ гладиаторовъ, но, по крайней мѣрѣ, гладиаторскими орудіями упражнялись въ фехтовальномъ искусствѣ. Даже между женщинами встрѣчались иногда такія, которыя не только любили предаваться фехтовальнымъ упражненіямъ, но и публично, въ роли гладиаторовъ, сражались

¹⁾ См. Sveton. Tranquilli opera. Tiberius Nero caesar pag. 98.

на сценѣ, какъ это было, напримѣръ, при Неронѣ въ 64 году, когда вмѣстѣ съ простыми сражались женщины даже и высшаго класса и только въ 200 годахъ послѣдовалъ запретъ являться женщинамъ на амфитеатральныхъ сценахъ.

Кромѣ добровольно поступавшихъ въ гладіаторы, сюда часто завербовываемы были рабы, или крѣпостные люди. Большинство богатыхъ римлянъ, еще въ послѣднее время республики, содержали между массами рабовъ своихъ разнаго рода шайки гладіаторовъ, которыхъ они тщательно старались образовывать въ гладіаторскомъ искусствѣ, для чего нѣкоторые имѣли даже свои собственныя гладіаторскія школы. Затѣмъ они заставляли ихъ сражаться или на своихъ собственныхъ спектакляхъ, или же получали за нихъ большія деньги, если отдавали ихъ для спектакля другому. Это обладаніе гладіаторами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ представляли тѣлохранителей и свиту своихъ владѣтелей, до такой степени развилось между знатными римлянами, что многочисленныя буйныя оргіи ихъ не могли не возбуждать опасенія за общественное благосостояніе. Вотъ почему сенатъ въ 65 году нашелся вынужденнымъ, по словамъ Светонія, ограничить число гладіаторовъ. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ, а можетъ быть и изъ-за другихъ какихъ нибудь побужденій, римскіе владѣльцы нерѣдко продавали своихъ рабовъ въ фехтовальныя школы или другимъ господамъ за чистыя деньги. Такъ Светоній передаетъ, что Калигула однажды продалъ другому 13 гладіаторовъ за 9,000,000 сестерцій=450,000 р. Но впослѣдствіи, именно императорами Адрианомъ и Маркомъ Авреліемъ, эта продажа рабовъ и гладіаторовъ была рѣшительно воспрещена.

Главною составною частію гладіаторовъ съ этого времени сдѣлались преступники, приговоренные къ аренѣ, что считалось самымъ страшнымъ смертнымъ приговоромъ, хотя при этомъ оставалась еще нѣкоторая возможность позднѣйшаго освобожденія отъ смерти. Но и въ это время

преступники осуждались не рѣдко болѣе для спектакля, чѣмъ по важности ихъ преступленій. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ историки о Клавдіѣ и Калигулѣ. Говорятъ, что Адрианъ 300, а Агриппа, іудейскій царь, по Флавію, 1400 осужденныхъ преступниковъ заставили сражаться между собою.

Но самую большую и вмѣстѣ самую жалкую составную часть гладіаторовъ составляли плѣнные, которые цѣлыми массами лишались здѣсь жизни. Таковы были во времена республики плѣнные галлы, самниты, этруски, а въ періодъ императоровъ—свевы (съ Рейна), жители Дакии, саксы, британцы, сарматы и іудеи.

Число бойцевъ, выступавшихъ на сцену при гладіаторскихъ играхъ, росло очень быстро. Въ 216 году, въ праздникъ погребенія Эмилиа Лепидія состязалось 22 пары; спустя 16 лѣтъ послѣ того, на другомъ похоронномъ праздникѣ—25, а въ 174 году, при погребеніи Фламинія 74 гладіатора продолжали бой свой въ теченіи трехъ сутокъ. Въ 65 году до Рожд. Христова выступало на сцену уже 320 паръ гладіаторовъ. Императоры Августъ и Тиверій ограничили число гладіаторовъ, хотя первый самъ сознался, что въ продолженіе его правленія выступило на сцену 10,000 гладіаторовъ. Когда императоръ Титъ освящалъ Колизей, то далъ такой спектакль, который продолжался 120 дней, при чемъ умерщвлено было 10,000 гладіаторовъ ¹⁾. Громадно также было количество гладіаторовъ, сражавшихся на аренѣ, въ 106-мъ году, когда праздновали память побѣды Траяна. Одинъ грубый языческій царь африканскій выстроилъ себѣ дворецъ изъ череповъ своихъ враговъ, и, когда не достало ему для завершенія постройки 130 череповъ, онъ хладнокровно, безъ всякихъ околичностей, приказалъ для восполненія недостающихъ череповъ убить 130 своихъ вѣрноподданныхъ. Но что значитъ это въ сравненіи съ жертвами

¹⁾ См. Svetonii Tranquilli opera p. 271—278.

столь многихъ тысячъ, принесенными только для удовольствія грубаго народа?

Какъ люди цѣлыми тысячами лишались на аренѣ своей жизни, такъ вмѣстѣ съ ними страдали и животныя. Сципіонъ Назика и Публий Лентулій выводили предъ лицо публики 60 барсовъ и 40 другихъ звѣрей; Скавръ—150 барсовъ, Сулла—100, а Помпей 600 львовъ, 410 пантеръ и 17 слоновъ. Въ играхъ Цезаря, по словамъ историковъ, выступало на сцену 40 слоновъ и 400 львовъ. При 120 дневномъ освященіи Колизея происходившемъ во времена Тита, 5000 дикихъ животныхъ засѣчено было укротителями, а 4000 пало въ борьбѣ. Домиціанъ приводилъ на эти игры 1000 страусовъ, 1000 оленей, 1000 кабановъ и 1000 жирафовъ, а при играхъ Траяна въ 106 году, въ память его второй побѣды надъ Даками, онъ выставялъ на показъ 10,000 звѣрей. Вообще звѣриная травля до такой степени развита была у древнихъ римлянъ, что опасались за то, будутъ ли въ состояніи степи и лѣса доставлять звѣрей въ достаточномъ для ихъ зрѣлищъ количествѣ.

Если могущественнѣйшій въ мірѣ Римъ славился и гордился этою массою самыхъ рѣдкихъ животныхъ, каковы напр. жираффы, крокодилы, бегемоты, носороги, львы, леопарды и т. п. и если эти звѣри доставляемы были въ Римъ изъ всѣхъ подвластныхъ ему странъ земнаго шара живыми, между тѣмъ какъ позже они ловились совсѣмъ другимъ способомъ и только въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ; то въ этомъ обнаруживается вмѣстѣ и энергія и особенное умѣнье римлянъ охотиться за ними. Древніе римскіе императорскіе звѣринцы, по своему обилію рѣдкими и прекрасными животными, далеко превосходили все, что можно встрѣчать въ теперешнихъ зоологическихъ музеяхъ. Императоръ Августъ самъ о себѣ говорилъ, что онъ не могъ налюбоваться безчисленнымъ множествомъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему породъ животныхъ, и государственные римскіе законы ничуть не

шли въ разладъ съ этимъ императорскимъ удовольствіемъ. Такъ охота за слонами зависѣла отъ особеннаго позволенія императора, а львиная ловля, по словамъ Эліана, и въ позднѣйшее время была преимуществомъ императора. Чтоже касается добыванія животныхъ, то въ этомъ отношеніи особенную помощь Риму оказывали правители римскихъ провинцій, какъ это видно изъ одного письма къ Цицерону, какъ проконсулу Сициліи. Они группами разсылали въ различныя страны отважнѣйшихъ охотниковъ, которые во всю жизнь свою на томъ только и стояли, чтобы, среди великихъ опасностей и приключеній, ловить живыми опасныхъ степныхъ животныхъ, посредствомъ силковъ, копкановъ, петель, сѣтей, подкоповъ. Для пойманныхъ звѣрей дѣлались большія деревянныя или желѣзныя клѣтки, и въ этихъ клѣткахъ отправлялись они въ Римъ или водою, или сухимъ путемъ—на волахъ, впряженныхъ въ большія колымаги.

Эти животныя выводились на сцену иногда для травли, а иногда на показъ публикѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они выводились въ очень изысканныхъ и рѣдкихъ уборахъ, окрашенныхъ разными красками, украшенные золотыми бляхами, увѣшанные лентами. Искусство укрощать звѣрей, умѣнье дрессировать ихъ въ то время были изумительны. Такъ императоръ иногда ѣздилъ на колесницѣ, возимой львами (и отважнаго царя звѣрей, умѣли, значить, приучить къ послушанію!), барсы и олени закладывались подъ воловье ярмо, а дикіе быки возили колесницы, стояли на заднихъ ногахъ, или позволяли на себѣ танцевать дѣтямъ; львы ловили (вмѣсто борзыхъ собакъ) зайцевъ, а миролюбивые антилопы ожесточенно дрались между собою; медвѣди и волки считались за домашнихъ животныхъ. Особенно изумительныя вещи совершались неуклюжими слонами. Были слоны, которые, по волѣ цезаря, сопровождали его во дворецъ, замѣняя собою факельщиковъ, а иногда четыре слона носили пятого на носилкахъ; нѣкоторые изъ нихъ ходили по канатамъ, и

танцевали, причемъ одинъ изъ нихъ игралъ на кимвалѣ. Плиній говоритъ, что одинъ непонятливый слонъ ночью упражнялся самъ, что бы усвоить себѣ то, что плохо понято было имъ изъ преподаннаго днемъ. — Этого слишкомъ мало было-бы сказать объ искусствѣ римлянъ дрессировать животныхъ, если бы въ настоящемъ случаѣ у насъ объ этомъ только шло дѣло; но главный предметъ, на которомъ останавливается сейчасъ мысль наша — это звѣриная травля, и борьба гладіаторовъ между собою и со звѣрями.

Посмотримъ же на самый процессъ этихъ безчеловѣчныхъ зрѣлищъ. — Предварительно дѣлались объ нихъ объявленія, которыя не печатались, а рисовались, по распоряженію учредителя игры, красками на стѣнахъ домовъ, дворцовъ и на надгробныхъ памятникахъ. Въ Помпеѣ нѣсколько такихъ объявленій о театральныхъ представленіяхъ найдено было еще ранѣе 1700 года. Одно изъ нихъ гласитъ такъ: въ Помпеѣ, 31 Мая, будетъ сражаться гладіаторская фамилія Эділя Светтія Курія. Затѣмъ будетъ звѣриная травля, при чемъ шатеръ будетъ тамъ распространенъ. Въ другомъ объявленіи, чтобы завлечь большее количество публики, обѣщается кропленіе водою противъ духоты и пыли. Въ одномъ случаѣ дѣлается условіе: „если дозволитъ погода“, а въ другомъ: „безъ всякой отмѣны и отлагательства.“

Наканунъ борьбы совершался такъ называемый „прощальный послѣдній обѣдъ“, самое богатое и роскошное пиршество, на которомъ народу позволялось созерцать несчастныхъ, предназначенныхъ къ борьбѣ, гладіаторовъ. Большинство ихъ пиروвали здѣсь беззаботно, нисколько не думая о близкой смерти, а болѣе серьезные говорили послѣднее „прости“ своимъ родственникамъ, поручали друзьямъ заботу о своихъ женахъ, рабамъ дарили свободу и т. под.

Самый спектакль начинался такъ. Подъ звуками торжественной музыки пышною процессіею выступали на

арену гладіаторы, предводительствуемые герольдомъ, а впереди ихъ гордо шли *venatores* — охотники или поджигатели, побуждавшіе къ борьбѣ. Затѣмъ тянулся длинный рядъ болѣею частію раздѣтыхъ звѣробойцевъ (*bestiarii*): одни изъ нихъ были снабжены сѣтями, чтобы запутывать ими противниковъ, другіе — мечами и копьями, а нѣкоторые шли совсѣмъ безоружные. Обошедъ кругомъ амфітеатръ и показавшись такимъ образомъ жаждавшей ихъ крови толпѣ, они подходили, потомъ, къ ложѣ императора и, какъ готовые къ смерти, привѣтствовали его словами: „*Ave, caesar, morituri te salutant.*“ — Эти неистощимо грустныя, присяжныя слова ихъ заглушаемы были ужаснымъ, раздававшимся за ареною, ревомъ дикихъ звѣрей, нетерпѣливо ожидавшихъ момента своего освобожденія. И вотъ, этотъ моментъ, наконецъ, насталъ. Поднимаются желѣзныя опускныя двери клѣтокъ или же эти клѣтки, какъ бы дѣйствіемъ магической силы возникаютъ изъ глубины, и вырвавшіеся изъ нихъ звѣри съ пронзительнымъ воемъ жадно бросаются на несчастныхъ бойцовъ. Если эти бойцы, въ трепетѣ предъ алчными пастьми львовъ, барсовъ и медвѣдей отскакивали назадъ, ихъ гнали къ нимъ плетями и угрожали смертной казнью; а звѣрей, если они не обнаруживали надлежащаго рвенія къ состязанію, кололи пиками, подстрекали красными платками, раздражали головнями. Чѣмъ свирѣпѣе затѣмъ становились звѣри, тѣмъ болѣе радовалась толпа. Но вотъ завязалась, ужасная, отчаянная, кровавая борьба. Заправляющіе ходомъ этой борьбы охотники напрягаютъ свое вниманіе и зорко слѣдятъ за грубіанами; но, направляя копья свои на буйвола, они пронзаютъ ими нерѣдко барса; такъ какъ буйволы искуснымъ поворотомъ рога своихъ умѣли ограждать себя отъ подобныхъ ударовъ. И если при этомъ какой нибудь боецъ за слабость и неловкость свою платился тѣмъ, что животное сажало его на рога свои — и сразмаху бросало на воздухъ, то восторгу и удовольствію грубой черни римской не

было границъ. Тамъ видимъ мы, какъ исполински—мощный гладіаторъ нѣсколькими ударами своего богатырскаго кулака убивалъ медвѣдя, а здѣсь отважный левъ, который успѣлъ уже растравить себя кровью, приподнявъ одежду несчастнаго гладіатора, на глаза его, на части разрываетъ своего противника. Тамъ набрасываютъ петлю на шею животнаго, чтобы удавить его, но повергшись на своихъ противниковъ, оно хоронитъ ихъ подъ грузомъ своего массивнаго тѣла. Здѣсь тигръ терзаетъ тѣло несчастной жертвы, а въ другомъ мѣстѣ цѣлые органы гладіатора остаются въ зубахъ льва. Здѣсь, на аренѣ, въ страшной, кровавой лужѣ лежитъ куча—звѣриныхъ труповъ, а тамъ груды мертвыхъ или еще нѣсколько трепещущихъ гладіаторовъ. Смердныя испаренія этой горячей крови еще болѣе возвышаютъ и безъ того душливо жаркую (отъ скопленія 90,000 или 100,000 тысячъ зрителей) температуру. Ужасно, пронзительно звучитъ послѣднее хрипѣніе томящихся въ предсмертныхъ агоніяхъ несчастныхъ гладіаторовъ и, сливаясь съ фырканьемъ и ревомъ издыхающихъ звѣрей, несется вверхъ, къ блистательно освѣщеннымъ рядамъ ложъ. И хотя въ этихъ ложахъ сидятъ люди съ прирожденною имъ способностію сочувствовать и сострадать мукамъ ближняго, но... они смотрятъ на эти ужасныя сцены безъ малѣйшаго содраганія и даже съ невозмутимымъ наслажденіемъ; они преспокойно и безучастно разговариваютъ о подробностяхъ смертоносной борьбы, какъ будто у нихъ идетъ дѣло только о жестикуляціи искуснаго актера. Одни или жалѣютъ о потерѣ или радуются за выигрышъ преміи, какъ это было при конскихъ ристаніяхъ, а другіе преспокойно совершаютъ, во время этого антракта, свой роскошный ужинъ. Освѣжаясь водяными струями, посредствомъ трубъ пропускавшимися въ амфитеатръ, они легко преодолеваютъ душливый смрадъ испаряющейся человѣческой и звѣриной крови.

Такъ проводится антрактъ вверху, въ мраморныхъ

рядахъ ложъ. А что же внизу, — въ аренѣ? Тамъ идетъ приготовленіе ко второму акту. Тамъ расхаживаютъ два мужа, изъ которыхъ одинъ одѣтъ на подобіе Меркурія, а другой на подобіе Плутона или Харона (адскій перевозчикъ). Они пробуютъ раскаленнымъ до красна желѣзомъ лежащихъ здѣсь бойцовъ, чтобы увѣриться совсѣмъ ли они умерли, или нѣтъ и затѣмъ сюда являются такъ называемые *confectores* (живодеры), распорядившіеся трупами: они таскаютъ изъ арены трупы павшихъ крючьями или баграми въ споліарій. Здѣсь и тамъ мелькаютъ бѣдные мужчины и женщины, которые проникли на арену съ тѣмъ, чтобы захватить для своего стола кусокъ—другой съѣдомыхъ лѣсныхъ животныхъ, напр. оленей, кабановъ и т. п. Потомъ являются въ нарядной одеждѣ рабы; они счищаютъ кровавыя лужи, уравниваютъ изрытый во время борьбы полъ арены и посыпаютъ его пескомъ и опилками. А для потѣхи публики какой нибудь шутъ на аренѣ то отпускаетъ каламбуры, то дѣлаетъ различные фокусы, забавляя ее такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ второе дѣйствіе; такъ какъ кровожадный римлянинъ, естественно, не могъ досыта насмотрѣться на эти сцены въ продолженіе одного дѣйствія: онъ еще жаждалъ подобныхъ сценъ, еще хотѣлъ смотрѣть на страданія умирающихъ, еще хотѣлъ слушать ихъ стоны и хрипѣніе.

Начинается второй актъ. Снова торжественное шествіе бойцевъ: различныхъ родовъ гладіаторы совершаютъ входъ свой въ амфитеатръ на коняхъ и пѣшкомъ въ нарядныхъ костюмахъ, съ волнующимися султанами на шляпахъ, съ сверкающими щитами и разнаго рода орудіями. Снова обходятъ они арену, снова привѣтствуютъ императора при звукахъ военной музыки. Но процессъ борьбы начинается только кажущимся сраженіемъ подъ тактъ музыки: сражаются тупыми орудіями или палками, нанося удары воздуху; или же выводятъ бойцовъ съ завязанными глазами и заставляютъ ихъ, для

потѣхи публики, сражаться съ невидимыми противниками. Но это продолжается не долго: римлянамъ хотѣлось борьбы жестокой, хотѣлось крови человѣческой. И вотъ выступаютъ на сцену ретиаріи съ сѣтями и щитами въ рукахъ. Они ловко запутываютъ сѣтью своихъ противниковъ и волочатъ ихъ по аренѣ. Другіе набрасываютъ петлю на шею противника, чтобы удавить его. Иные нападаютъ съ оружіемъ въ рукахъ; а нѣкоторые выступаютъ совершенно закованные въ желѣзо, и стараются ранить и умерщвлять другъ друга чрезъ пазы доспѣховъ. Словомъ различнымъ образомъ возбуждаютъ интересъ зрителей.¹⁾

Если какой нибудь ловкій и сильный гладіаторъ сразу поражалъ многихъ противниковъ, то послѣдніе лишались права продолжать другую какую либо борьбу, и противъ нихъ подымалось тогда негодование и ропотъ. Если же кто наносилъ ловкій ударъ другому, то раздавались громкіе аплодисменты.

Отважное презрѣніе смерти всего болѣе привлекало на свою сторону симпатіи публики; а потому гладіаторы безмолвно, безъ малѣйшаго обнаруженія страданій, переносили наносимыя имъ раны.

Если кто изъ пораженныхъ противникомъ оставался еще въ живыхъ, то онъ дожидался отъ учредителя игры или отъ публики разрѣшенія на жизнь или смерть. Повергшись на колѣна и поднявъ кверху палецъ, онъ давалъ знать, что онъ раненъ и жалобно умолялъ жестокосердную публику о пощадѣ. Если при этомъ махали платками или поднимали руки съ согнутыми большими пальцами,—то это было знакомъ помилованья; если же руки оставались опущенными или если большія пальцы ихъ были обращены къ груди, это было знакомъ смерти.

Особы, рѣшавшія приговоръ о помилованіи, были, боль-

¹⁾ См. „Римъ“ Вегнера на 429 страницѣ 2 тома рисунокъ, изображающій гладіаторскій бой.

шею частію весталки (жрицы богини Весты), сидѣвшіе на весьма почетномъ мѣстѣ, въ подіумѣ. Если онѣ отказывали въ этой милости, то несчастный проситель или самъ вонзалъ конецъ своей шпаги себѣ въ горло, или умерщвляемъ былъ своимъ побѣдителемъ. Чѣмъ мужественнѣе и веселѣе умиралъ гладіаторъ, тѣмъ большимъ сочувствіемъ дарила его публика. Вотъ почему иные совсѣмъ не домогались помилованія, но, перенося ужасныя предсмертныя муки, съ удивительною силою воли, одного только желали и требовали—ожесточеннаго боя. До Августа такъ и было, что при такихъ зрѣлищахъ не допускалось никакого помилованья, и одинъ изъ двухъ бойцевъ долженъ былъ умереть неизбежно. Но Августъ отмѣнилъ такой обычай и далъ публикѣ право оказывать подобнымъ жалкимъ просителямъ милость; хотя она очень рѣдко пользовалась этимъ правомъ.—Если гладіаторъ однажды одерживалъ побѣду надъ своимъ противникомъ, этимъ не заканчивалась борьба его: ему противопоставляли новаго, нерѣдко посредствомъ жребія избраннаго бойца.

Такимъ образомъ арена снова покрывалась трупами,—и только немногіе счастливые побѣдители со славою оставляли мѣсто своего сраженія, при рукоплесканіяхъ и шумныхъ крикахъ торжествующей толпы. А въ это время, по словамъ Тертулліана, многіе изъ подверженныхъ падушей болѣзни (эпилепсіи) припадали къ трупамъ, и жадно сосали теплую кровь, струившуюся изъ ранъ убитыхъ въ надеждѣ получить чрезъ это исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Затѣмъ опять наступалъ антрактъ, во время котораго то выводились на показъ какія нибудь прекрасныя животныя, то дѣлались разные, часто изумительные фокусы.

Игры эти не прекращались и по наступленіи вечера. Амфитеатръ освѣщался тогда тысячами смоляныхъ факеловъ и канделябръ. Такъ рассказываютъ напр. о Домиціанѣ, что онъ давалъ звѣриныя травли и гладіаторскія

игры ночью, позволяя при этомъ состязаться не только мужчинамъ, но и женщинамъ.

Особенно печальную и трогательную сторону римскихъ турнировъ представляли безчеловѣчныя казни людей, приговоренныхъ къ смерти. Эти несчастные, совершенно безоружные, приковывались здѣсь къ столбу и, въ глазахъ публики, разрываемы были на куски напущенными на нихъ дикими звѣрями. А если они иногда и допускались къ борьбѣ, то для того только, чтобы, такимъ образомъ, продлить ихъ мученье; такъ какъ они неизбежно должны были умереть. Съ открытыми ранами и растерзанными на куски членами, по цѣлымъ днямъ, какъ говоритъ Флавій, умоляли иногда эти, заброшенные судьбой страдальцы о своей пощадѣ, — умоляли, но напрасно..... Иногда приговоренныхъ заставляли фигурировать въ роляхъ изъ мифологическихъ и историческихъ сценъ. Такъ, по словамъ Тертулліана, одинъ умерщвляемъ былъ здѣсь прикованный къ вертящемуся колесу, какъ Иксионъ въ аду; другой, одѣтый въ пышную, но пропитанную сѣрою одежду (одежду, посредствомъ которой нѣкогда Медея сожгла свою соперницу съ своимъ семействомъ), пожираемъ былъ мгновенно открывавшимся изъ этой одежды пламенемъ; а третій представлялъ собою Геркулеса, когда онъ, одѣтый въ отравленную ядомъ одежду, въ порывахъ отчаянія, вскочилъ на костеръ и сгорѣлъ въ пылающемъ пламени. Одинъ, за тѣмъ, подобно Орфею, поднявшись изъ преисподней, принуждаемъ былъ своею игрою привлекать къ себѣ и деревья, и холмы, и птицъ, и дикихъ звѣрей, пока не падалъ жертвою медвѣдя. Другой, подобно Муцію Сцеволѣ, приговариваемъ былъ держать и жечь свою руку на раскаленной жаровнѣ; а если онъ принималъ ее назадъ, — его ожидали сверкающіе мечи, и онъ выпускалъ, такимъ образомъ, духъ свой въ сугубомъ мученіи; иной представлялъ разбойника — Лавреола, который, вися на крестѣ, терзаемъ былъ дикими звѣрями, такъ что куски его тѣла падали на землю.

Говорятъ: едвали возможно, чтобы образованный народъ могъ наслаждаться столь ужасными муками приговоренныхъ къ смерти. Но и Цицеронъ говорилъ, что нѣкоторые изъ турнировъ были слишкомъ жестоки и безчеловѣчны, и, слѣдовательно, были именно таковы, какъ они сейчасъ нами представлены, и однако-жъ одобрялъ тѣ изъ гладіаторскихъ игръ, въ которыхъ умерщвлялись приговоренные къ амфитеатру преступники. А Плиній восхвалялъ подобныя зрѣлища, какъ доказательство пренебреженія смерти и мужественнаго перенесенія страданій. Сенека въ одномъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ среднихъ лѣтахъ, относитъ гладіаторскія игры къ числу непредосудительныхъ развлеченій, хотя въ старости и не могъ не признать ихъ безчеловѣчными. Онъ говоритъ: „утромъ люди бросаются лвамъ и медвѣдямъ, а въ полдень — ихъ собственнымъ зрителямъ. Убийцы предаются убійцамъ и побѣдитель блюдетъ для другаго убійства. Смерть — исходъ всѣхъ сражающихся; мечемъ и огнемъ ведется дѣло, и это происходитъ до тѣхъ поръ, пока не опустѣетъ арена.“ Онъ не одобряетъ, что преступниковъ оставляли въ борьбѣ совсѣмъ безоружными и беззащитными. Такъ убивали, говоритъ онъ, людей во время антрактовъ, чтобы не даромъ проходило время. Но если во всѣхъ вообще звѣриныхъ травляхъ и гладіаторскихъ играхъ народъ находилъ для себя большое удовольствіе, то тѣмъ болѣе могла ему нравиться смерть преступниковъ. Такимъ образомъ эти грубыя зрѣлища не были безупречны даже и у самыхъ, по крайней мѣрѣ болѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ римлянъ.

Въ болѣе гуманной и образованной Греціи звѣриныя травли и гладіаторскія игры не были такъ приняты, какъ въ Римѣ; только въ одномъ Коринѣ, и то во II вѣкѣ исторія впервые указываетъ намъ на существованіе амфитеатра. Хотя эти грубыя зрѣлища мало по малу и проникли, съ теченіемъ времени, въ Грецію, но здѣсь ими услаждалась одна только чернь; образованные же не

только не были привязаны къ нимъ, какъ Римляне, но гнушались ими.

Только христiанство могло произвести и произвело здѣсь рѣзкій нравственный переворотъ и совершенное измѣненіе воззрѣній. Уже Константинъ великій, этотъ первый между римскими императорами покровитель христiанства, пошелъ въ этомъ отношеніи въ совершенный разрѣзъ съ своими предшественниками. 1-го Октября 326 года онъ издалъ эдиктъ, воспрещавшій кровавыя зрѣлища во время мира и опредѣлявшій, чтобы преступниковъ по крайней мѣрѣ не приговаривать къ зрѣлищамъ, а ссылатъ въ рудники. Къ сожалѣнію, этотъ эдиктъ его остался почти безплоднымъ и дѣла шли прежнимъ порядкомъ, ибо чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого императоръ Валентиніанъ (364—375 г) нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть христiанъ не губить въ этихъ играхъ. И Пруденцій, жившій позже Валентиніана, старался убѣдить Гоноріа, чтобы онъ хоть смертные приговоры не дѣлалъ средствомъ къ увеселенію народа; но всѣ усилія его оставались тщетными до тѣхъ поръ, пока въ 404 году, по словамъ Θεодорита, церковнаго историка, тотъ же самый Гонорій не запретилъ всѣ вообще гладіаторскія игры.

На востокъ онѣ отмѣнены гораздо раньше, и только звѣриныя травли еще продолжали тамъ свое существованіе. Но около 469 года уже надлежащимъ образомъ сознана была безнравственность и жестокость всѣхъ подобныхъ „плачевныхъ зрѣлищъ“ и императорскій эдиктъ отмѣнилъ ихъ безвозвратно. Правда, императоръ Юстиніанъ, въ 536 году, ради вступленія своего въ званіе консула, назначалъ еще звѣриныя травли; но они были теперь уже далеко не такъ кровавы и жестоки; по крайней мѣрѣ, люди, сражавшіеся въ нихъ, лучше защищались противъ свирѣпыхъ своихъ противниковъ, такъ что они постепенно все болѣе болѣе становились похожими

на испанскія воловьи травли и на наше новѣйшее искусство укрощенія звѣрей.

Но прежде чѣмъ христiанство успѣло оказать здѣсь свое цивилизующее и нравственно облагораживающее вліяніе, именно христiанамъ—то и приходилось испытывать на себѣ всѣ ужасы звѣробоинства и гладіаторскихъ игръ. Мы уже сказали, что римское правительство очень часто приговаривало къ амфитеатру преступниковъ, а на христiанъ оно смотрѣло не иначе, какъ на преступниковъ. Вотъ почему это, столь хорошо знакомое намъ, „ad bestias“ (къ звѣрямъ!) — было однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ кличей и однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ приговоровъ, обращенныхъ къ христiанамъ. И если не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что многіе изъ обвиняемыхъ приговаривались къ аренѣ безвинно или за самую незначительную вину, чтобы только увеличить число гладіаторовъ и звѣробоинцевъ, то тѣмъ болѣе несомнѣнно, что такому приговору подлежали невинные христiане, нехотѣвшіе отказаться отъ своего Господа Иисуса и принести жертву мнимымъ богамъ.

Такимъ образомъ по справедливости можно сказать, что римскій амфитеатръ, — какъ самый Колизей въ Римѣ, такъ и многіе другіе амфитеатры римской имперіи, будучи увеселительными мѣстами для язычниковъ, были въ тоже время мѣстами страданій для христiанъ, и песчаная почва этого римскаго амфитеатра поистинѣ напоена была кровью многихъ сотней и тысячъ христiанъ и орошена слезами безчисленнаго множества ихъ о Христѣ собратій. И не для одной только борьбы со звѣрями и гладіаторами приводились христiане на арену, но и для *освѣщенія* бойцовъ и зрителей въ амфитеатрѣ и другихъ мѣстахъ гнусныхъ и безнравственнѣйшихъ увеселеній. Еще Неронъ велѣлъ обвить нѣсколько живыхъ христiанъ паклею, натереть воскомъ, смолою, дегтемъ и другими горючими веществами, и, такимъ образомъ, вмѣсто фонарей разставить ихъ въ его садахъ, гдѣ на этотъ

разъ дано было имъ конское ристаніе, въ которомъ онъ самъ выступалъ въ качествѣ возничаго. И они сгорѣли живые вмѣсто факеловъ. Такимъ же точно образомъ поступали съ христіанами и въ другихъ случаяхъ, и они гибли иногда въ громадномъ количествѣ. Замѣчательно, что даже такіе люди, какъ Тацитъ, соглашались съ приговорами, произносимыми надъ христіанами ихъ жесточайшими тиранами, — мы разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ осужденіе Нерономъ христіанъ за напрасно приписанную имъ вину въ большомъ римскомъ пожарѣ. Тацитъ говоритъ о христіанахъ такимъ образомъ: „они были осуждены не столько за поджогъ Рима, сколько потому, что были врагами человѣческаго рода, почему и заслуживали отмѣнныхъ наказаній.“ А христіанскую вѣру называетъ однимъ изъ отвратительнѣйшихъ суевѣрій, которое распространилось не только по всей Іудеѣ, источникъ зла, но и столичный городъ міра сдѣлало притономъ всего мерзкаго, гнуснаго и зловреднаго.“

При такомъ враждебномъ отношеніи къ христіанамъ, римляне, конечно, не иначе могли смотрѣть на нихъ, какъ на самую достойную добычу для своихъ звѣрей, какъ на болѣе другихъ подходящихъ соперниковъ для своихъ гладіаторовъ и какъ на желанный предметъ для своихъ ужасныхъ, на кровь и на смерть рассчитанныхъ театровъ. Вотъ почему между грубыми, суровыми, дышащими убійствомъ, гладіаторами, въ рядахъ жалкихъ плѣнниковъ, насильно завербованныхъ въ эту буйную оргію, виднѣлись и скромныя, благородныя и трогательныя лица многихъ христіанъ, за своего Спасителя выведенныхъ на эту ужасную встрѣчу мученической смерти. И тогда какъ одни вели здѣсь грубые, нескромные разговоры, другіе радовались наступающей борьбѣ, а третьи безутѣшно оплакивали свою горькую судьбу,—христіане въ трогательныхъ гимнахъ, благоговѣнно воспѣвали славу своего Бога.—Тогда какъ другіе наканунѣ смертоноснаго турнира, во время обычнаго „последняго обѣда“ безза-

ботно предавались роскошному пиршеству, христіане возносили горячія мольбы къ своему Богу, и въ безмолвномъ благоговѣніи совершали свою последнюю вечерю любви. Тогда какъ, затѣмъ, тотъ или тотъ при воспоминаніи о своей далекой родинѣ, о родныхъ и милыхъ сердцу, объ отцѣ или матери, женѣ или дѣтяхъ, снѣдался глубокою скорбію, христіане изливали молитвы свои за близкихъ сердцу. Тогда какъ бойцы вступали въ амфитеатръ въ торжественной церемоніальной процессіи, при громѣ и раскатахъ военной музыки,—христіане входили съ смиреннымъ, но спокойнымъ духомъ, съ безмолвною преданностію Богу, съ свѣтлыми взорами, готовые съ радостію умереть за имя своего Господа, Который нѣкогда и Самъ умеръ за нихъ мученическою смертію. Тогда какъ, наконецъ, другіе при всѣхъ своихъ осадныхъ орудіяхъ, при всей ловкости къ борьбѣ скоро оказывались безсильными и умирали въ зубахъ дикихъ звѣрей,—христіане совсѣмъ безоружные не рѣдко долго оставались неприкосновенными,—и, только послѣ неоднократныхъ чудесныхъ опытовъ усѣкаемые мечемъ гладіаторовъ съ радостію и глубокою вѣрою предавали души свои Господу, вознося, подобно Ему, теплую молитву о прощеніи враговъ своихъ.

Евсевій Памфилъ, въ 8 книгѣ своей исторіи, представляетъ намъ прекрасные образцы подобныхъ мучениковъ. Онъ говоритъ: видя ихъ (Христіанъ), кто не изумился бы при взглядѣ на неисчислимое множество бичей и на твердость дивныхъ по истинѣ поборниковъ богопочтенія,—а вслѣдъ за бичеваніемъ, при взглядѣ на ихъ борьбу съ кровожадными животными, на нападенія пантеръ, разнаго рода медвѣдей, дикихъ кабановъ, разъяренныхъ огнемъ и желѣзомъ быковъ, и на дивную непоколебимость сихъ героевъ, при встрѣчѣ съ каждымъ звѣремъ! Мы сами были при этомъ и видѣли, какъ присутствовала въ мученикахъ и живо открывала себя божественная сила Спасителя нашего Иисуса Христа, о Которомъ

они свидѣтельствовали. Пожиратели человѣческой плоти долго не осмѣливались не только касаться,—даже приближаться къ тѣламъ боголюбивыхъ мучениковъ, но прямо неслись на другихъ, которые раздражали ихъ извнѣ. Звѣри вовсе не трогали ни одного изъ этихъ священныхъ борцовъ, хотя они стояли обнаженные, махали руками и возбуждали ихъ противъ себя (ибо имъ приказано было это дѣлать); если же иногда и устремлялись на нихъ, то какбы удерживаемые нѣкою божественною силою, тотчасъ же возвращались назадъ. Это происходило довольно долго, и служило не малымъ чудомъ для зрителей, тѣмъ болѣе, что когда первый звѣрь ничего не дѣлалъ, выпускали другого и третьяго на одного и того же мученика. Надобно было удивляться неослабному мужеству святыхъ и непоколебимой твердости, оживлявшей юныя тѣла ихъ. Ты узрѣлъ бы, напримѣръ, юношу, которому не было отъ роду еще и 20 лѣтъ, стоявшаго безъ оковъ и распростершаго крестообразно руки. Непоколебимый и безстрашный духомъ, онъ усердно молился Богу и ни мало не двигался, не уклонялся въ сторону отъ того мѣста, гдѣ находился, между тѣмъ какъ медвѣди и пантеры, дыша яростію и смертію, почти касались его тѣла, и только божественная и неизреченная сила, не знаю какъ, замыкала пасть ихъ и они тотчасъ же отскакивали назадъ. Таковъ былъ этотъ мученикъ. Узрѣлъ бы ты и другихъ: ибо всѣхъ ихъ было пять, выставленныхъ на жертву разъяренному быку. Иныхъ, подходившихъ извнѣ ¹⁾, онъ взбрасывалъ рогами на воздухъ, топталъ ногами и оставлялъ полумертвыми, а къ святымъ мученикамъ, устремляясь на нихъ съ яростію и грозю, не могъ даже и приблизиться; онъ топалъ ногами, ворочалъ туда и сюда рогами, раздражаемый раскаленнымъ желѣзомъ, дышалъ яростію и угрозою, но святымъ провидѣніемъ увлеченъ былъ назадъ. Поелику же этотъ звѣрь ничего не причинилъ мученикамъ, то на

¹⁾ Здѣсь разумѣются венаторы, побуждавшіе къ борьбѣ.

нихъ выпущены были какіе-то другіе. Выдержавъ страшныя и различныя нападенія, всѣ они наконецъ усѣчены были мечемъ и, вмѣсто земли и гробовъ, преданы морскимъ волнамъ.“

Прекрасно выразилъ это торжество надъ смертію св. Игнатій, первѣе всѣхъ освятившій своего кровію римскій амфитеатръ, когда сказалъ: „лестно оставлять міръ, что бы вознестись къ Богу и найти Его.“ Благочестивое преданіе признаетъ его за дитя, которое І. Христосъ нѣкогда поставилъ между Своими учениками, убѣждая ихъ быть подобными дѣтямъ. Ученикъ Апостола Іоанна, онъ въ 60-мъ году посвященъ былъ въ Антіохійскаго епископа. Когда явился въ Антіохію Траянъ-Императоръ, Св. Игнатій вышелъ къ нему на встрѣчу, въ надеждѣ помочь этимъ своему обществу. Онъ объяснилъ ему, какъ говорить преданіе, что напрасно упрекаютъ его въ забвеніи Бога; такъ какъ онъ носитъ въ своемъ сердцѣ Христа. На возраженіе Траяна, что и въ сердцахъ язычниковъ, конечно, живутъ боги, онъ отвѣчалъ, что (Траянъ) заблуждается, ибо говорилъ, существуетъ одинъ только Богъ, сотворившій небо и землю и все, что только существуетъ, и Христосъ, Котораго царство — мое наслѣдіе.“ „Царство того, возразилъ Траянъ, который распятъ Пилатомъ?“ Игнатій подтвердилъ и увѣрилъ, что онъ носитъ Христа въ своемъ сердцѣ. Послѣ этого Траянъ произнесъ такой приговоръ: „такъ какъ Игнатій признаетъ, что въ немъ живетъ Распятый, то повелѣваемъ связать и представить въ Римъ на сѣденіе звѣрямъ и для забавы народа.“ Такимъ образомъ связанный онъ приведенъ былъ грубыми воинами въ Седевкию, а потомъ въ Смирну. Объ этомъ путешествіи онъ такъ пишетъ римлянамъ: „отъ Сиріи до Рима сражаюсь я съ дикими звѣрями: на водѣ и на сушѣ, днемъ и ночью я стою лицомъ къ лицу съ леопардами, которые, не смотря на мои благодѣянія, становятся все болѣе и болѣе свирѣпыми.“ Здѣсь онъ разумѣетъ свою стражу. Въ Смирнѣ онъ познакомился съ

епископомъ Поликарпомъ, проповѣдывалъ и написалъ четыре посланія, такъ что его продолжительное путешествіе въ Римъ принесло богатый плодъ. Въ посланіи къ римской общинѣ говорится: „пустъ распинаютъ и жгутъ меня, пусть сокрушаютъ мои кости и раздробляютъ мое тѣло, пусть дикіе звѣри терзаютъ мои члены, пусть разражается надо мною всякая злоба діавола; но во всякомъ случаѣ Христосъ—одно мое наслѣдіе и утѣшеніе. Для меня умереть за Христа лучше, чѣмъ господствовать надъ предѣлами міра. Я распялъ въ себѣ мірскія склонности, во мнѣ горитъ теперь огонь божественной любви, и не угасить его никому: онъ живетъ, онъ говоритъ, онъ вопіетъ: иди ко Отцу!“

Изъ Смирны св. Игнатій привели въ Троаду, гдѣ онъ написалъ еще два посланія и письмо къ Поликарпу,—и затѣмъ поспѣшили въ Римъ, такъ какъ немного уже оставалось времени до наступленія зрѣлищъ. Предъ Римомъ, на послѣдней станціи, Игнатій припомнилъ одну капеллу (домовая церковь) съ надписью: „въ Римѣ Я буду покровительствовать тебѣ“—и эта надпись послужила для него ободреніемъ и утѣшеніемъ. Переданный префекту, Игнатій, спустя немного, въ сопровожденіи многихъ собратій—христіанъ, отведенъ былъ на смерть. При этомъ ему дозволено было въ послѣдній разъ помолиться съ своими собратіями и онъ молился преимущественно о томъ, чтобы Богъ не замедлилъ положить конецъ его угнетенному существованію. Въ амфитеатрѣ, брошенный къ звѣрямъ, Игнатій воскликнулъ: „я — зерно Божіей „пшеницы, которую измельютъ зубы дикихъ звѣрей, что-бы сдѣлаться ей чистымъ хлѣбомъ.“ Благочестивые антиохійскіе христіане, сопровождавшіе его, собрали потомъ кровь его въ сосудъ, и, хотя съ опасностію для жизни, взяли съ собой уцѣлѣвшія отъ звѣрей части его тѣла. Позже св. Игнатію посвящена была въ Колизеѣ церковь.

Изъ мучениковъ, пострадавшихъ въ римскомъ амфи-

театрѣ во времена Максиміана, извѣстенъ Панкратій, пятнадцатилѣтній римскій мальчикъ, который, на пути къ аренѣ, получилъ благословеніе своей матери, завѣщавшей ему бороться доброю борьбою и показать себя вѣрнымъ и твердымъ въ любви ко Спасителю. Когда потомъ онъ явился на сцену, то звѣри (медвѣди, леопарды и дикіе разъяренные быки), отгоняемые невидимою силою, отскакивали отъ него, такъ что онъ долго и усердно молилъ Спасителя о вѣнцѣ мученичества, пока наконецъ не устремился на него свирѣпый барсъ и мгновенно умертвилъ его. Вотъ еще два—три примѣра страданій христіанъ на языческихъ зрѣлищахъ.

Въ Ліонѣ и Віеннѣ жестоко преслѣдовали христіанъ во времена Марка Аврелія. Многіе тогда изъ нихъ сдѣлались жертвою звѣрей, послѣ мученической кончины Ліонскаго епископа Поина. Изъ ряда всѣхъ мучениковъ особенно выдавалась Ліонская бѣдная служанка *Бландина*. Тогда какъ, по словамъ Евсевія, всѣ боялись за нее, что она, по своей тѣлесной немощи, не найдетъ въ себѣ довольно смѣлости произнести исповѣданіе вѣры, она исполнилась такой силы, что самые мучители ея, смѣняясь одинъ другимъ, утомились, изнемогли и признали себя побѣжденными, потому что не знали уже, что больше дѣлать съ нею. Они дивились, какимъ образомъ въ ней оставалось еще дыханіе, тогда какъ все тѣло ея было истерзано. Послѣ разныхъ пытокъ и мученій она на время была заключена въ темницу, и затѣмъ повѣшена на древѣ и отдана на сѣденіе звѣрямъ. Но такъ какъ ни одинъ звѣрь не смѣлъ къ ней прикоснуться, то она снова брошена была въ темницу, и потомъ приведена была вмѣстѣ съ братомъ своимъ Понтикомъ, мальчикомъ лѣтъ пятнадцати. Здѣсь *Понтикъ*, за твердое исповѣданіе вѣры, перенесъ много мученій и отдалъ душу свою Богу; а Блдину опутали сѣтью и бросили дикому быку. Разъяренное животное долго бросало ее вверхъ; но праведница, занятая надеждою и предощеніемъ

обѣтованныхъ благъ небесныхъ и бесѣдою со Христомъ, уже не чувствовала того, что съ ней происходило и тихо скончалась.

Изъ мучениковъ, скончавшихъ жизнь свою въ Карфагенскомъ (въ Сѣверной Африкѣ) амфитеатрѣ, особенно замѣчательны Перпетуя и Фелицитата. Перпетуя была дочь язычника изъ знатной фамиліи. Эта молодая женщина, имѣвшая грудное дитя, заключена была вмѣстѣ съ Фелицитатою въ темницу. Напрасно отецъ ея старался уговорить ее отречься отъ Христа: ни просьбы, ни угрозы, ни слезы, ни проклятія — ничто ему не помогало. Она приговорена была на сѣденіе звѣрей. Наканунѣ дня казни, по обыкновенію, приготовленъ былъ „послѣдній обѣдъ.“ На другой день Перпетуя и Фелицитата, сперва опутанныя только сѣтью, а потомъ одѣтыя въ длинныя одежды выведены были противъ дикаго разъяреннаго быка. Онъ всбросилъ вверхъ сначала Перпетую, а потомъ ея подругу; но послѣ этого сильнаго удара о землю, обѣ онѣ поднялись на ноги. Народъ обнаружилъ состраданіе и онѣ выведены были изъ амфитеатра въ *porta sanavivaria* (ворота, которыми выводились выходившіе изъ борьбы живыми). Но вскорѣ за тѣмъ она (Перпетуя) еще разъ была выведена предъ лицо кровожадной толпы и, получивъ смертельный ударъ гладіатора, безмолвно испустила свой послѣдній вздохъ; а раненая, но еще неумерщвленная, Фелицитата громко кричала отъ боли и, спустя немного, сама заколола себя мечемъ своего мучителя.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какъ ненавистны — были для христіанъ амфитеатры, доставлявшіе такъ много удовольствія язычникамъ. Златоустъ, этотъ знаменитый проповѣдникъ восточной церкви, горячо вооружался всегда противъ звѣроборства, изъ котораго, говорилъ онъ, „можно научиться только безчувственности и жестокости.“ Такъ какъ онъ совершенно не упоминаетъ при этомъ о гладіаторскихъ играхъ — то отсюда заключаютъ, что они въ его время т. е. концѣ IV вѣка, уже не были употре-

бительны на востокѣ. На западѣ противъ нихъ возвышали свой голосъ Тертулліанъ, Кипріанъ, Августинъ и другіе.

Августинъ рассказываетъ одну исторію о нѣкоемъ другѣ своемъ Алипіѣ, исторію, которая ясно показываетъ, какъ эти кровавыя зрѣлища могли иногда овладѣвать душою зрителя. Когда въ бытность Алипія въ Римѣ, товарищи стали уговаривать его идти въ амфитеатръ, онъ, какъ твердый христіанинъ, долго отказывался отъ ихъ приглашенія, и, наконецъ, послѣ неотступной просьбы ихъ, сказалъ имъ, что они могутъ привлечь туда одно только его тѣло, а не душу, что онъ будетъ сидѣть тамъ съ закрытыми глазами, и, такимъ образомъ, присутствуя, будетъ отсутствовать. Но, когда, при началѣ борьбы, онъ услышалъ пронзительный крикъ, то съ необычайнымъ любопытствомъ открылъ онъ глаза свои, и послѣ того, говоритъ Августинъ, душѣ его нанесена была тяжелая рана, какъ и тѣлу того, на котораго онъ такъ жадно устремлялъ свои взоры. Ибо лишь только онъ взглянулъ на лужу крови, какъ тотчасъ же почувствовалъ въ себѣ страстное наслажденіе и не могъ уже затѣмъ оторвать своего взора отъ этого кроваваго зрѣлища, но все съ большимъ и большимъ напряженіемъ сосредоточивалъ его на сценѣ. Онъ смотрѣлъ, кричалъ, пылалъ гнѣвомъ, впадалъ въ изступленіе и помѣшательство, что грозило большею опасностію его нравственности, чѣмъ какой подвержены были его товарищи; но наконецъ Господь спасъ его.

Впослѣдствіи эти зрѣлища получили менѣе жестокій характеръ; но за то, къ сожалѣнію, они были посѣщаемы даже духовными лицами, какъ это видно изъ письма императора Юстиніана, написаннаго имъ въ 30-хъ годахъ VI вѣка къ Константинопольскому патріарху. Изъ этого письма видно и то, какъ сильно укоренилась страсть къ отвратительнѣйшимъ зрѣлищамъ въ душахъ и образованныхъ людей. Ничего, поэтому нѣтъ удивительнаго въ

томъ, что отмѣна этихъ зрѣлищъ была дѣломъ далеко нелегкимъ. По словамъ церковнаго историка Теодорита одинъ азіатскій монахъ, по имени Телемахъ, бросился однажды въ среду бившихся на амфитеатральной аренѣ гладіаторовъ, чтобы положить преграду для ихъ смертоносной борьбы. Ярость народа, за нарушение его удовольствія, была такъ велика, что отважный монахъ былъ растерзанъ имъ на части; но вслѣдъ за этимъ послѣдовало отъ императора Гонорія запрещеніе гладіаторскихъ игръ.

Впрочемъ не вдругъ приведено было въ исполненіе это императорское запрещеніе, а постепенно. По крайней мѣрѣ въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ запрещенныя зрѣлища происходили до VII вѣка, и только къ этому времени совершенно выведены были изъ употребленія и гладіаторскія игры, и звѣроборство, такъ что совершенно опустѣвшія пространства Колизея не могли уже находить для себя прежняго примѣненія. Только однажды именно 3-го Сентября 1332 года, амфитеатръ напомнилъ нѣсколько о прежнемъ своемъ специальномъ назначеніи, когда сенатъ римскій дозволилъ произвести здѣсь большую воловью травлю, въ которой умерщвлено было 18 человѣкъ и 11 быковъ, послѣ чего для падшихъ въ этой борьбѣ рыцарей совершены были блистательныя похороны. Послѣ того какъ амфитеатры потеряли такое трагическое назначеніе, они сдѣлались, въ глазахъ народа, мѣстами ужасныхъ привидѣній и волшебства, притономъ для разбойническихъ оргій, убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ и сборищемъ людей, занимавшихся такими дѣлами, которые необходимо заставляли ихъ бояться дневнаго свѣта и человѣческихъ глазъ. Оттого входы въ амфитеатръ нерѣдко запираемы были полиціею.

Но съ этими мѣстами, насквозь пропитанными невинною кровью, связывался еще другой, болѣе благородный интересъ, именно интересъ христіанскаго благочестія: оно

жаждало побывать, посмотреть, преклониться предъ этими лобными мѣстами мужественныхъ исповѣдниковъ христіанской вѣры. Это побудило устроить въ Колизеѣ капеллу съ жильемъ для благочестивыхъ отшельниковъ. Надъ капеллою потомъ устроена была сцена, на которой въ позднѣйшія времена до XV—XVI вѣка, въ великій пятокъ совершаемы были представленія страданій Христа, во имя Котораго, во времена гоненій на христіанъ, на этомъ самомъ мѣстѣ пролито было столько христіанской крови.

Въ 1581 году братство капеллы Sancta Sanctorum третью часть Колизея получило отъ римскаго сената и народа въ подарокъ, и, какъ говоритъ Марангони, историкъ Колизея, устроило на верхнемъ этажѣ его госпиталь. Такимъ образомъ мѣсто кровавой ненависти къ христіанамъ сдѣлалось мѣстомъ христіанской любви и заботливости. Наконецъ папа Венедиктъ XIV, занявшій въ 1740 году папскій престолъ, вполне далъ Колизею, какъ древнѣйшему мѣсту мученичества, церковное назначеніе. Среди упоенной кровью арены стоитъ съ этихъ поръ высокій крестъ Спасителя, который постоянно лобзуютъ уста благочестивыхъ христіанъ. Въ 14 небольшихъ капеллахъ изображены, по частямъ, страданія Христа. Два раза въ недѣлю братство „via crucis“ совершаетъ здѣсь свои процессіи, при чемъ говорится проповѣдь и раздаются торжественныя пѣсни во славу Спасителя.

Такимъ образомъ Галилеянинъ, съ которымъ такъ ожесточенно боролся нѣкогда вѣроломный императоръ Юліанъ, побѣждаетъ и здѣсь, какъ и всюду, и слава Христова наполняетъ теперь и тѣ мѣста, гдѣ враги Христа проливали нѣкогда такъ много христіанской крови.